

Ублюдок

- Ублюдок! Вот ты где!!

Невиданных роста и ширины плеч детина в плаще из медвежьей шкуры, с нездорово-зеленоватой кожей и спутанной гривой рыжих волос неохотно оторвался от тарелки с супом и повернул в сторону вошедшего широкое, словно высеченное из базальта лицо.

- Чего тебе? – негромко пробасил он.

Остановившийся в двери трактира невысокий, обливающийся потом и задыхающийся крестьянин перевел дыхание и прохрипел:

- Чего-чего! Тухляки у меня во дворе!

Ублюдок вновь повернулся к тарелке, и стул под ним жалобно скрипнул.

- Я ем.

- Ест он! Ты в своем уме?! У меня дома вся семья осталась, выбраться никак – четыре тухляка по двору шатаются, неровен час, догадаются в окно влезть! Меня едва не схватили, когда за тобой побежал!

Детина медленно, словно смакуя дешевую похлебку, проглотил очередную ложку:

- Мне-то что? Топор в руки – и вперед, рассказы о том, что ежели мертвяк тяпнет, сам таким же станешь – байки.

Посетители таверны зашептались, крестьянин сплюнул:

- Какой же ты... ублюдок. Ты же этим зарабатываешь! Плачу твою обычную цену, по флорину за голову!

- Шесть верст да за четыре флорина? Хозяин, мне еще супа.

- Нергал бы тебя побрал, Ублюдок! Вдвое плачу! Только поспеши!

Тот снова обернулся к крестьянину, ухмыльнулся и заговорил тонким детским голоском, словно передразнивая кого-то:

- Этот ублюдок такой страшный и мерзкий! Я попрошу отца, чтобы он спустил на него собак в следующий раз!

Новоприбывший уставился на собеседника, и внезапно побледнел.

- Вижу, ты вспомнил, - подытожил детина своим обычным голосом.

- Побойся богов, с тех пор уж пятнадцать лет минуло!!

- Пятнадцать, пятьдесят... Время не имеет значения. Орки никогда ничего не забывают. Конечно, они не злопамятны, если не убил на месте, значит, простил. Но вот

беда - я от отца, помимо прочего, еще и мстительность унаследовал. Память орка и мстительность человека – неприятная смесь, да?

Крестьянин подошел ближе, обошел стол и заглянул Ублюдку в лицо:

- Но мои дети, жена, мать – они тебе не сделали ничего плохого! Их хоть пожалей!

Полуорк равнодушно посмотрел на давнего обидчика тяжелым немигающим взглядом глубоко посаженных, с белесыми радужками глаз:

- Мать, говоришь? Напомнить тебе, как люди поступили с моей собственной? Ладно, так и быть, я прерву свой ужин и на ночь глядя ломанусь на твою ферму спасти твою семью, за которую постоять у тебя самого кишка тонка. Но никак не меньше, чем по пять за голову. Деньги на стол и я пошел.

У крестьянина столько при себе не нашлось, и он бросился к трактирщику:

- Выручи, мил человек, займи на день! Продам свинью и верну! Дети в беде, а этот кровопийца с места не двинется!

Тот заколебался, но при упоминании о детях решился и сунул руку в кошель с выручкой.

Ублюдок равнодушно ссыпал в карман двадцать маленьких серебряных монеток, положил на стол несколько медяков в уплату за суп, взвалил на плечо окованную бронзой шипастую палицу, вес которой стал причиной появления поговорки «тяжелый, как палица Ублюдка», и вышел в сгущающиеся сумерки, пригнувшись, чтобы не снести лбом косяк двери.

- Ну и ублюдок, - тихо прозвучало ему вслед из нескольких глоток.

Он всегда ненавидел эту работу и презирал людей, панически боящихся мертвецов. А чего их бояться? Медленные, неуклюжие, глупые. Их упокаивать еще проще, чем живых. Дал раза, хоть дубиной, хоть кулаком, череп проломил - и делу конец.

Еще он ненавидел людей за то, что никакой другой работы найти не мог. Как не мог найти своего места среди них вот уже полтора десятка лет. Хотя никогда этому не удивлялся: полукровка он и есть полукровка, наполовину орк, наполовину человек, и при этом чужой и тем, и другим.

И вот он бредет по ночному лесу, в котором живет, словно эльф длинноухий. Редкие путники, иногда забредавшие в такую глухомань – а ведь глухомань, даром, что до

человеческого жилья и десяти верст не будет – неизменно удивлялись при встрече. Орк? В лесу?! И кто бы мог подумать?!

Протоптанная за годы тропинка вывела его к заброшенной башенке, в которой столетия назад безумный колдун занимался чернокнижием и где сгинул бесследно, утащенный в преисподнюю демоническими тварями. Теперь в ней, наплевав, что место проклято, живет орк-полукровка. Жилье неплохое, в самом деле. Пришлось поработать, приводя строение в порядок, зато теперь и летом не жарко, и зимой не холодно. Ручей у самого порога, дрова у самого порога. Если повезет – бывает, что и свежая оленина приходит, разве только что в дверь не стучит. А якобы появляющиеся тут ужасные потусторонние существа и призраки его не беспокоили: демоны тоже не дураки. Связываться с орком, пусть и полукровкой – себе дороже выйдет.

Первым делом Ублюдок вымыл руки и оружие: если остатки мозгов и плоти засохнут на дубине – вонь будет невыносимая. Затем вынес из дома заготовленные дрова и развел в очаге костер, установил на треногу котелок для варки мяса: день выдался прибыльный, можно и отпраздновать с элем и свежей дичью.

Истребление тухляков, временами прущих с Мертвых гор чуть ли не толпой, приносило хороший барыш, и Ублюдок всегда удивлялся, почему люди, такие жадные до денег, платят ему, а не избавляются от непрошенных гостей сами. Конечно, для них не знающие устали и не чувствующие боли мертвяки довольно-таки опасны, и ржавым оружием, которое многие еще сжимают в мертвых пальцах, и укусом, который чреват заражением и обычно приводит к смерти слабого человеческого тела. Долгое время полукровка не мог взять толк, за что же тогда его ненавидят пуще прежнего, но потом один бродяга-старик, которому тот подал пару медяков, загадку разгадал:

- Да просто все. Они боятся, ты нет. Ты разок дубинкой-то махнул – и флорин в карман положил. А крестьянин за десяток-другой таких должен в поле всю неделю от зари до зари горбатиться. Завидуют тебе.

Ублюдок высыпал дневной заработок на собственноручно сколоченный стол в прихожей, снял с полки и откупорил кувшин с элем. Вышел наружу и уселся у очага, чтобы присмотреть за котелком с оленьей ногой. Отхлебнул. Прислушался.

Где-то далеко внезапно умолкла ночная птица, к песням которой он уже успел привыкнуть, и чуткий слух, унаследованный от матери, различил голоса животных, которые в лесу не водятся. Собаки. А уж они-то не заходят в лес без своих двуногих хозяев.

Ночью с собаками люди не охотятся, Ублюдок это знал. Точнее, иногда все же охотятся, но не потехи ради, и не на дичь – а на себе подобных.

Полукровка вздохнул, понадеявшись, что людишки обойдут его жилье стороной: без сомнительного счастья лишний раз увидеть их маленькие, сморщенные лица он как-нибудь обойдется.

Однако шум погони приближался. И кого же угораздило за кем гоняться в такой глухомани? Шум ужасный, можно забыть об оленях недели на две, да и с другой дичью будет туго. Разве куропатки останутся, но это уже совсем никуда не годится: пять штук в рот положил, проглотил и не почувствовал, а ведь их еще вначале поди поймай, мелочь вертлявую.

Прислушиваясь к лаю и проклятиям загонщиков, доносящимся с севера, Ублюдок как-то даже умудрился забыть о других звуках, и потому появление жертвы прямо у его башни с запада едва не стало сюрпризом.

Невысокая хрупкая девушка в лохмотьях, когда-то бывших, видимо, приличным платьем, с растрепанными волосами и глазами загнанной то ли лани, то ли рыси – этих людей не разберешь – выскочила на поляну у башни, дико озираясь и сжимая в руках кинжал с засохшей кровью на лезвии.

Ублюдок отхлебнул из кувшина и одобрительно ее оглядел. Неплохо сложена, и личико тоже ничего так будет, если отмыть. То ли голубых кровей, то ли с примесью эльфийской. А может, и то и другое.

- Как выбраться из этого леса?! – она попыталась крикнуть, но пересохшее горло издало лишь неприятное сипение, мало похожее на слова.

- Самый короткий путь – по этой тропинке, - ответил Ублюдок и для верности указал пальцем, людишки ведь ночью видят еще хуже, чем сова днем.

Девушка побежала в указанном направлении, явно не понимая, что только облегчает задачу своим преследователям. При этом она внезапно сошла в ручей и дальше побежала по нему. Совсем голову потеряла. Ручей помогает сбить со следа, только если погоня не знает, вверх по течению ушла добыча или вниз. Но погоня идет с севера на юг, и ручей течет туда же.

Преследователи появились на лужайке меньше чем через минуту: трое мужчин в беретах с кокардами цветов какого-то там то ли герцога, то ли графа, с луками за спиной и мечами у пояса, все трое в кольчугах. У одного на поводке – пара злобных, с крокодильими мордами псов, выведенных где-то на юге Телмара специально для ловли

беглых рабов. И эту породу быстро оценили все, кому приходится частенько охотиться на двуногую добычу. «Человекодавы» даже в такой глуши, как удаленная провинция Монтейна, и то появились. Хотя ничего странного в этом нету, люди ведь везде одни и те же.

Собаки, добежав до ручья, завертелись, потеряв след.

- Именем его светлости графа да Бэйла! – крикнул предводитель, разглядев у костра Ублюдка, - эй, ты, куда побежала беглянка?!

Болван. Тут и дурню ясно, что раз собаки потеряли след, значит по ручью.

- А своей головы на плечах нету, что ли? – равнодушно поинтересовался Ублюдок и снова отхлебнул эля.

- А ну встать, сволочь, когда с тобой говорят!! – завопил человек, шагнул ближе и рукояткой кнута ударил по кувшину.

Посудина жалобно хрустнула, пролив содержимое на владельца.

Ублюдок бросил на землю оставшееся в руке ушко, вздохнул и встал, распрямившись во все свои два с половиной метра, пальцы сомкнулись на рукоятке прислоненной к стене палицы.

- Да как ты смеешь!! – эти слова стали последними, которые сказал в своей жизни охотник на людей.

Удар сверху вниз, тяжеловесный и молниеносный, раздробил череп и вбил его в плечи, попутно сломав хребет и ребра. Двое оставшихся схватились за мечи, но Ублюдок взмахнул левой рукой, угодив кулаком в грудь второму. Тот отлетел к ближайшему дереву, ударился о него и рухнул на землю мешком изломанных костей.

Сразу же за этим полуорку пришлось отбиваться от псов, одного он убил пинком ноги, второго поймал за шею и встряхнул, ломая шейные позвонки. Последний из ловчих успел-таки достать меч, но ни малейших шансов отразить взмах трехпудровой палицы у него не было. Человеку не дано отбить удар орка, либо уклонился либо умер, третьего варианта не бывает. И к некоторым понимание этого приходит за мгновение до смерти.

Тяжелая палица с такой силой ударила по выставленному в попытке парирования клинку, что сталь всей второй стороной лезвия всей вошла в тело своего владельца, а затем труп улетел за край поляны.

На всю расправу ушло менее десяти секунд, и Ублюдок был готов поспорить, что сделать это быстрее не смог бы и настоящий орк.

Он вздохнул и пошел в дом за лопатой. Вечер с мясом и элем у очага превратился в вечер копания могил. Стоит появиться людям, как дело заканчивается каким-нибудь дерьмом.

Перед тем, как уволочь трупы, Ублюдок вывернул их карманы. Немного серебра и меди, кольчуги и мечи без клейм. Дрянные поделки криворуких кузнецов, они тоже стоят пусть небольших, но денег. Хоть какой-то барыш.

Поднявшись, он заметил, что девушка вернулась, тихо подойдя к поляне и выглядывая из-за дерева.

- Ты их убил, да?

- Даже не знаю, - пожал плечами Ублюдок и пнул ногой разможенный череп главаря, - но сдается мне, что даже после хорошего сна его мигрень не пройдет.

- Зачем ты это сделал? Это же люди да Бэйла.

- Мне какое дело? Они приперлись в мой дом со своими вонючими шумными собаками, оскорбили меня, пролили мой эль. Конечно, такое вполне проходит с забитыми, трусливыми людишками, но в случае даже с половиной орка – верный рецепт самоубийства.

- Так ты сделал это не для того, чтобы спасти меня...

- Ты не просила, - пожал плечами Ублюдок.

- А если бы попросила?

- Тогда я бы об этом и подумал. Какой теперь смысл говорить о том, чего нет и уже не будет?

Она шагнула ближе и без сил опустилась на замшелый камень, свалившийся с вершины башни лет сто назад.

- Тогда, может быть, ты подумаешь о том, чтобы уделить кусочек мяса девушке, не евшей два дня?

Он отложил лопату, вошел в дом, взял оловянное блюдо, крюк и нож, вернулся обратно и выудил из котелка ногу. Блюдо с едой поставил на груду камней, служивших ему столом для трапез на свежем воздухе.

- Угощайся. Можешь не стесняться, у меня есть еще.

- Ты очень добр, - ответила та и жадно набросилась на мясо, перебрасывая кусочки из руки в руку и дуя на них и на пальцы.

- Добрый – это не про меня. Я просто не жадный, только и всего.

Руки она, конечно, не помыла. Придется сварить себе еще кусок. Или пожарить, так быстрее будет. Ублюдок печально вздохнул, глядя на изломанные, сочащиеся кровью трупы, положил лопату на плечо, схватил в правую руку охапку из лодыжек – три человечьи и две собачьи – и поволол в сторону ближайшего овражка.

Вернулся он через четверть часа. Девушка уже успела насытиться и теперь просто сидела у ручья, свесив ноги с кровавыми волдырями в воду. В глаза бросились умытые лицо и руки, кое-как, наспех расчесанные волосы: успела немного прихорошиться. Рядом на траве – изношенные ботинки.

- Наелась? – спросил Ублюдок.

- Да. Спасибо. Ты уже... закопал?

- Делов-то.

Он уселся за свой каменный стол: оленья нога уменьшилась едва ли на четверть. А жарить новый кусок лень. И так за день потрудиться пришлось, и это не считая визита ловчих.

Девушка молча смотрела, как он ест, потом спросила:

- Как тебя зовут?

- Ублюдком зовут.

Она, видимо, готовясь представиться, поперхнулась уже заготовленными словами.

- Почему?

- Люди кличут меня Ублюдком, так почему бы тебе у них не спросить, почему? Впрочем, думаю, что ты услышала бы в ответ что-то вроде «так ведь он же и есть ублюдок... притом редкостный».

- Знаешь, у меня язык не повернется так к тебе обращаться.

- Это потому, что ты меня не знаешь.

- Я, вообще-то, хотела имя твое спросить, а не прозвище, - негромко сказала девушка.

Ублюдок пожал плечами:

- Да не помню я. Давно забыл. Меня последний раз звала по имени мама, а она уже двадцать лет как умерла. А для всех остальных я всегда был Ублюдком.

Девушка вздохнула:

- Ты же наполовину орк, да? Орки ничего не забывают.

Полукровка с любопытством приподнял бровь:

- Как ты догадалась? Обычно все, кто видит меня в первый раз, принимают за орка.

- Не бывает рыжих орков.

- Правда? Не знал. В общем, забыл я имя. За ненужностью.

Девушка поднялась и пересела поближе к огню, оказавшись напротив Ублюдка.

- Слушай, ты не против, чтобы я звала тебя Рыжим?

- Да пожалуйста.

- Вот и славно. Рыжий... Тебе идет, ты знаешь? А как получилось, что... что ты полуорк?

Тот вздохнул:

- Долгая история. Мою мать пятнадцатилетней девочкой похитили телмарские работорговцы. Обычно они похищают только младенцев, потому что орка чуть постарше уже нельзя сделать рабом. Лишь те, которые не знают иной жизни, кроме рабской, принимают такое положение вещей как единственно возможное. Но где-то какому-то людскому то ли графу, то ли кому еще захотелось наложницу-орчанку. Вот для него за баснословные деньги и расстарались, не предупредив о последствиях. А может, придурок был уверен, что сумеет ее укротить.

- Понимаю. Так ты, получается, наполовину благородных кровей?

Ублюдок кивнул:

- Именно, да не совсем как ты подумала. Половина моей крови – благородная орочья. Половина – гнилая людская. И не графа того – мать от него все равно сбежала, убив двоих стражников. Людишки слабоваты оказались против дочери степи и ветра, пусть и подростка. Потом как-то прибилась к шайке грабителей и вместе с ними долго мстила, кому могла. Главарь разбойников был, мама рассказывала, необычайно большой и сильный, как для человека, конечно. Собственно, это вообще был единственный человек, о котором она рассказывала с хоть какой-то теплотой. Это, как ты догадываешься, и был мой отец. Через три года после моего рождения мама почувствовала, что начинает слабеть, и предприняла отчаянную попытку вернуться домой, в степь. Ей это удалось, и она все же добралась до своих. Ну не то чтоб совсем уж до своих – мама сама аж из Моандора. Тут относительно недалеко, аккурат за Мертвыми горами, обитает пара племен – «дети камня», как они себя называют, моя же мать была из «детей ветра». Но орки – не люди, они редко делят друг друга на своих и чужих. Собственно, мои первые осознанные воспоминания – из того поселения.

А потом, через несколько лет, мать умерла.

- Отчего?

- Оттого, что разорвалась ее связь с родной землей, так мне сказал шаман. На чужбине она жила только лишь мезтью, а потом – только лишь мной, черпая силу в своей собственной душе, и это подточило ее. Старик, надо сказать, был единственным, кто пытался мне помочь. Я родился в другой стороне, и, будучи по крови наполовину орком, на самом деле им не являюсь. Нет во мне того, что делает орка орком, одной лишь крови недостаточно.

Девушка немного помолчала, обдумывая услышанное, потом спросила:

- И они прогнали тебя?

- Нет. Орки не прогоняют орков, изгнанием у них только смертный приговор заменяется... и большинство приговоренных выбирает именно самоубийство, а не изгнание. По праву крови матери, я мог жить среди них – но был чужаком. Они жалели меня, полукровку, и тщательно скрывали презрение – у большинства получалось. Но я не нуждался в их жалости, к тому же был благодарен за то, что они приютили мать и вырастили меня, когда ее не стало, и не хотел мозолить им глаза. Когда мне стукнуло пятнадцать, я ушел. Шаман мне сказал на прощание: «Ты не здесь, но где-то в другом месте. Найди себя – обретешь мир. Не найдешь – так и будешь скитаться чужаком среди всех». В общем, не знаю, что он имел ввиду, но нашел я эту башню. Вот и живу тут уже пятнадцать лет или около того.

- А ты не думал, чтобы переселиться куда-то? Тут тебя не приняли – но есть много других мест...

- Люди везде одни и те же. Они не то, что чужих не любят – друг с другом обращаются сама видишь как. За тобой за что с собаками гнались? Да, и как тебя зовут-то?

- Крисанта. И моя история не веселее твоей, даже сходство в некоторых деталях есть. Я – дочь немерийского аристократа, и до шестнадцати лет жила, как и положено аристократке. Потом произошел дворцовый переворот, началась кровавая межусобица. Да это было не так и давно, три года назад всего. Да, ты, должно быть, слышал?

Полуорк отрицательно качнул головой.

- Отец выслал нас с матерью из Немерии в Монтейн, от войны подальше. Тут нас приняли довольно неплохо – благодаря папе. С такими людьми, как он, обычно стараются дружить, даже если они за границей. Год было сносно. Война затянулась, а с нами долго носиться, словно с расписным кошельком, не стали. Потом мама заболела и через год умерла. Все деньги, а мы из дому немало взяли, ушли на лекарей, да без толку. А потом и отца убили... и я осталась одна. На чужбине, без средств к существованию. Дома победили

сторонники узурпатора – там меня бы вряд ли кто в жены взять согласился, толку с голубых кровей, если имя ненавистное?

Но, как оказалось, худшее было еще впереди. Здесь обо мне просто забыли... я так думала. Собиралась в столицу, просить покровительства у короля. Он, конечно, самодур, но весьма милостив. Может, устроил бы мой брак с кем-то из дворян, не слишком высокопоставленным и нос не задравшим. Некоторые, знаешь ли, считают, что жена с происхождением, но без титулов и семьи влиятельной – милое дело. Ни родни, с которой нужно считаться, ни амбиций.

Да только оказалось, что обо мне не все забыли. Граф да Бэйл, оказывается, помнил, и терпеливо дожидался, пока не забудут остальные. Вот тут-то я и повторила судьбу твой матери.

Ублюдок удивленно приподнял бровь:

- А что, люди еще и по сей день друг дружку в рабстве держат? Помнится, последней страной был Телмар, но там вначале отменили рабство для людей, а потом и у орков терпение лопнуло.

- Да, я помню... полстраны разорили. С тех пор узаконенного рабства уже нигде не осталось. Но законы были бы не нужны, если б люди их не нарушали. Работоторговля сама по себе никуда не делась, тебе ли не знать? И тут дело даже не в выгоде – но в самом извращенном желании владеть другим человеком. Даже предложи мне да Бэйл стать его любовницей – думаешь, я отказалась бы? Нет, конечно, так как варианты у меня оставались и того похуже – на паперть либо в реку. Но этот больной извращенец хотел держать меня на цепи, как собачку. Ты только представь – он меня клеймил своим гербом. Вот, полюбуйся!

Крисанта обнажила плечо, на котором красовался рубец в форме треглавого грифона.

- А я уже видел такой знак, - заметил Ублюдок.

- Ну еще бы. Флаг с ним развевается на ратуше Бэйлхолда, в самом центре города.

- Он что, прямо в городе держит рабынь и об этом никто не знает?

- Нет, он же не дурак. В загородном доме. Оттуда-то я и сбежала.

- Зарезала кого?

- Пса, к сожалению. Жаль, что не графа самого. И ведь таких вот подонков полно еще. Твоя мать и я – лишь немногие из числа жертв. А короли – они слишком заняты, чтобы своих вассалов держать в узде, вот и распоясываются сволочи.

- И что ты дальше делать собираешься?

- Я? Не знаю. Не думала, времени не было. Мне... мне ведь деваться некуда. Раньше была почти что нищей, а теперь я не только нищая, но еще и оборванная и клейменная. Куда податься? Кому я нужна?.. Одна надежда – доберусь до Зиборна, вдруг да призовет ублюд... ох, прости. Подонка к ответу. Но я не представляю, как в таком виде попаду на аудиенцию. Скажу, что дворянка из Немерии – кто поверит?

Ублюдок зевнул:

- Спать ложись. Кровать моя, конечно, без пуховых перин, но более удобного ложа ты тут в лесу не найдешь, уж не обессудь.

- А ты сам-то где спать будешь? – осторожно, даже как-то с опаской спросила Крисанта.

- Да под деревом любым в плащ завернусь и все. Я привычный.

- Ты очень великодушен, - тихо произнесла девушка, и в ее глазах Ублюдок неожиданно для себя прочел не только облегчение, но и легкое сожаление.

- Да, - обернулась она у входа в башню, - мне с тобой так необычно спокойно, что я даже совсем забыла о... о том, что тут произошло. Тебя не беспокоит, что да Бэйл пошлет новый отряд, побольше? Ведь я знаю его мерзкий секрет, он не позволит мне выскользнуть из его пальцев.

- Там в овраге еще полным-полно места, - флегматично ответил полуорк.

Утром Ублюдок сварил гречневой каши и кусок кровяной колбасы, помыл в ручье и нарезал несколько яблок и огурцов. Аккурат к моменту, когда трапеза была готова, из башни показалась Крисанта и зевнула, деликатно прикрыв рот ладошкой.

- Как спалось? – равнодушно поинтересовался полукровка.

- Ох, ты знаешь, просто великолепно. Даже сны не снились. Теперь вот, правда, все тело ломит, ноги болят, после вчерашнего. Я ведь сроду по лесам не бегала. Что делать – уму не приложу, надо бы двигаться, но куда – не знаю. И сил нет совсем.

- Есть хочешь? Тогда приступай, а то я ждать не буду.

Он сходил в дом и принес две ложки.

- Вкусно, - одобрила Крисанта, - ем и сама себе удивляюсь. Соли нету, варено без ароматного масла, приправ и пряностей тоже нет. Да я три года назад, право слово, побрезговала бы. А теперь кажется, что ничего вкусней не ела.

- Дурацкая привычка – солить еду, если только не надо ее сохранить, - заметил Ублюдок, - если бы боги хотели, чтобы мы ели соленую кашу, они бы сделали так, чтобы крупа росла уже соленой.

- А, теперь понимаю, отчего орки не употребляют соль.

- Хм... А ты, оказывается, это знала?

- Знала. Я много чего о них знаю. Наши родовые земли как раз были на границе с орочьими степями – так что я интересовалась соседями. Пыталась понять, отчего они не такие, как мы. И иногда ловила себя на мысли, что, может быть, хотела бы пожить среди орков. Мне всегда нравились их пусть странные, но справедливые и простые нравы. Слушай, я вот думала, что же мне делать? У твоей матери хотя бы был народ, к которому она и вернулась. Мне-то куда деться?

Ублюдок ушел в башню и вернулся, накинув на плечи плащ и взяв палицу.

- Вариант вернуться по-хорошему к да Бэйлу ты не рассматривала?

- Ты смеешься надо мной?! – возмутилась Крисанта, - конечно же, нет!

- Жаль. Потому что я его рассмотрел.

Лицо девушки стало медленно бледнеть.

- Ты... шутишь?

- Нет. До его загородного дома, конечно, верст двадцать, но я тебя понесу. Благо ты вешишь меньше моей палицы.

Ее губы задрожали, в уголках глаз появились слезы, когда она подняла голову, вглядываясь в широкое, бесстрастное лицо Ублюдка.

- Почему?! Почему ты так со мной поступаешь?!!

- Потому что да Бэйл хорошо заплатит, если я верну ему его собственность. Ну или то, что он таковой считает.

- Как ты можешь?! Неужели у тебя в душе нет ничего человеческого?! – вскричала Крисанта.

Полуорк пожал плечами:

- Да полно. В том числе равнодушие, алчность и жадность до денег. Ну, точнее, не до самих денег, просто вознаграждение, полученное от да Бэйла, позволит мне очень долго не делать за людишек их грязную работу и видеть их лица как можно реже. Тебя это,

конечно, не касается, с тобой поболтать было куда приятнее. Может, потому, что ты во мне очень нуждалась.

По ее глазам Ублюдок увидел: она наконец-то поняла, что он не шутит. Тонкая ручка скользнула к поясу, но напрасно.

- Кинжал я еще ночью забрал, - пояснил полуорк, - отбирая его сейчас, я мог бы тебя ненароком поранить. И это, пожалуйста, не вырывайся, не убегай. Бесполезно, бегаю я как мать – от меня не на всякой лошади ускачешь.

- Ты кретин! Ты убил троих людей, ты хоть понимаешь, что тебя виселица ждет?!

Тот снисходительно улыбнулся:

- Я думаю, что договорюсь с да Бэйлом как-нибудь.

- Знаешь, а ведь я уже начала верить, что встретила того, кого... кто стал бы... Как твоя мать встретила твоего отца... А ты... ты продаешь меня за горсть монет... - едва слышно прошептала девушка.

Ублюдок тяжело вздохнул:

- Ты выслушала всю историю, но раскрасила ее в те краски, которые тебе хотелось. И совсем забыла, что мой отец был обычным разбойником. И моя мать была для него в первую очередь хорошим пополнением в банде и только потом уже экзотической подружкой. Чего ты от меня ждала? От сына разбойника? И да, просто чтобы тебе не казалось, что из нас двоих я один такой негодяй, ответь мне. Если бы ты встретилась со мной три года назад – ты бы увидела во мне своего мужчину? Молчишь. Нечего тебе ответить, не так ли? Так уж устроены люди – они постоянно используют друг друга в своих интересах. Ты просто собиралась использовать меня, вот и все. Я не осуждаю тебя за это, не подумай. Ведь я такой же. Просто так уж вышло, что я решил использовать тебя как товар, а не как ты рассчитывала.

- Какой же ты... какой же ты ублюдок!

- По крайней мере, теперь ты знаешь ответ на свой вчерашний вопрос, - подытожил тот.

За весь путь до загородного имения да Бэйла, за все двадцать верст Крисанта не сказала ни слова, сидя на сгибе руки Ублюдка и уткнувшись лицом в мех его плаща. Нести ее оказалось легко, словно ребенка: исхудавшая, она и правда весила немногим больше

его трехпудовой палицы. Когда солнце начало спускаться за вершины Мертвых гор, за небольшим холмом показалась красная черепица крыши дома, в котором проживал граф.

- Ты еще кто такой? – выпучил глаза стражник у ворот, заведя здорового полуорка, несущего на одной руке девушку, с палицей в другой.

- Передай графу да Бэйлу, что я поймал его любимую лошадку, на которой он так и не успел покататься, - отрезал Ублюдок.

- Ты что несешь, образина зеленая?!

- Граф поймет, твое дело передать, что велено, и поживее, потому что граф очень рассердится, если не узнает этого вовремя.

Тон и уверенность подействовали: стражник приказал напарнику присмотреть над пришлыми, а сам отправился докладывать. Спустя минуту он появился снова, на этот раз от наглости не осталось и следа:

- Его светлость ждет. Ступайте за мной.

Ублюдок последовал за стражником на третий этаж, где располагался огромных размеров зал-кабинет, у двери его уже застыл десяток стражников, видимо, поднятых по тревоге: вряд ли граф всегда держит при себе столько в своем же доме.

Сам граф да Бэйл оказался старым человеком лет шестидесяти, облысевшим и обрюзгшим, облаченным в камзол, с трудом сходящийся на пухлом животе.

- Так-так, надо же, моя ненаглядная Крисанта вернулась ко мне, - расплылся он в поганой ухмылке и перевел взгляд на Ублюдка: - а где же ты поймал мою, хе-хе, лошадку?

- В лесу у своего дома, - ответил тот и поставил девушку на мраморный пол.

Крисанта молчала, безучастно глядя в окно на отроги Мертвых гор.

- А моих людей ты случайно не встречал? – подозрительно прищурился граф.

- Встречал. И, предупреждая следующий вопрос, мы не поладили, - холодно прозвучал голос Ублюдка, - так что за это я выставлю вам дополнительный счет. За то, что избавил вас от трех дураков.

- Надо же, какая смелость, - хмыкнул да Бэйл, - ну раз так, оно и к лучшему. Теперь каждый из нас знает секрет другого, да? Что ж. Это справедливо. Я вознагражу тебя, и мы забудем друг о друге, не так ли? А как ты догадался, что это... моя собственность?

- По клейму, конечно же.

- Хех. Как хорошо, что я имею обыкновение ставить свое клеймо и при этом так знаменит, что его все знают, - заметил граф.

- Еще бы я не знал, - произнес Ублюдок, буравя графа белесыми глазами, и его следующие слова прозвучали в тишине, словно смертный приговор: - у моей матери было такое же.

Да Бэйл отреагировал почти мгновенно:

- Стража!! – завопил он, - на помощь!!

Здоровенный детина с лицом, словно высеченным из базальта, растянул тонкие губы в зловещей ухмылке, перехватывая поудобнее палицу.

Первый же стражник получил такой сильный удар в грудь, что его панцирь раскололся, и безжизненное тело с грохотом врезалось в стену. Следом в дверь кинулись остальные, зазвенела сталь, загромыхали подкованные сапоги по мраморному полу, воздух вспорол боевой клич орка.

Ублюдок в одно мгновение сбросил с себя свою обычную медлительность, превратившись в живой кошмар, который до самой смерти не забудет тот, кто хотя бы раз воевал с орками. Он метался по залу, словно воплощение бога войны, его тяжеленная палица вертелась в руках, словно трость в пальцах франта, и каждый удар сминал доспехи, крушил конечности и ребра, разбрызгивал по стенам мозги. Никто из стражников не был готов к тому, что чудовищная бойня, обычное на войне с орками дело, разыграется в стране, где короли давно зареклись воевать с детьми степи и ветра и своим наследникам заказали.

Подкрепление подоспело, только когда первая группа стражи погибла в полном составе. Воина, заскочившего в комнату, Ублюдок схватил одной рукой и вышвырнул в окно, словно тряпичную куклу. Остальные, узрев сквозь распахнутые двери залитый кровью зал с разбросанными по углам трупами, кровавыми пятнами на стенах и стоящего посреди разъяренного орка, бросились наутек.

Ублюдок не стал их преследовать их, вместо этого оглянулся, убеждаясь, что Крисанта уцелела, спрятавшись за шкафчиком.

- Так ты обманул меня? – с робкой надеждой спросила девушка, - ты не собирался...

- Орки не торгуют рабами, не продают женщин и не предают своих гостей, - ответил он, - мой народ не признал меня своим, но я всегда жил по законам матери. А обычаи моей матери – это и есть обычаи орков.

- Тогда почему ты не сказал мне правду, заставив пережить столько мучительных минут?! Ведь я же на твоей стороне!

- Хочешь обмануть врага – обмани друга, - тихо произнес Ублюдок, - ты не представляешь себе, как мне самому было больно говорить то, что я тебе говорил. Но... мы чуть позже к этому вернемся. У меня незаконченное дело.

Он двинулся в дальний угол, куда забился ужасе граф да Бэйл. Тот затравленно озирался в поисках спасения, но иного выхода, кроме окна третьего этажа, не было, а проскочить мимо орка шансов было еще меньше, чем выжить при прыжке из окна.

- Не убивай меня! – прохрипел граф, когда массивная рука подняла его в воздух, как провинившегося щенка, - это ошибка, я ничего тебе не сделал, ты...

- Ты действительно ничего мне не сделал, - необычайно спокойно ответил Ублюдок, - другой вопрос, что ты сделал моей матери, но... Она мне не сказала, кто был ее похитителем. Я даже не знал, что небольшой знак с трехглавым зверем на ее плече – твой герб, которым ты ее пометил, словно скотину.

- Вот видишь, - обрадованно затараторил граф, - она была очень доброй женщиной, она не хотела, чтобы ты мне мстил, и клянусь, я ничегошеньки ей не сделал дурного! Не считая герба!

- Ну конечно, - кивнул тот, - ты не успел. Но дело не в этом. К моему несчастью, а теперь и к твоему, я родился не орком, как того заслуживал, а полуорком-получеловеком. И все бы ничего, но мой народ не признал меня своим. Чего-то, что есть в душе каждого орка, у меня не оказалось. И это – твоя вина. На самом деле, это тоже не бог весть какая утрата для меня лично, я привык к тому, кто и что я есть. Но моя мать – она хотела, чтобы я стал великим воином, чтобы я был достоин своих предков... по материнской линии, само собой. И вот вчера вечером я внезапно осознал, чего именно мне не хватало. И понял, что должен сделать, чтобы вернуть себе свое место среди моего народа и восстановить честь матери, доказав, что она родила и воспитала орка, а не ублюдка-полукровку.

- Не убивай! – завизжал да Бэйл, - я дам тебе денег, много денег!

- Орки не берут деньгами цену крови, - мрачно отрезал тот.

- Ты не сможешь уйти безнаказанным! Еще до завтрашнего полудня за тобой по пятам пустится целый эскадрон!

- Завтра к полудню я уже перевалю через хребет Мертвых гор, следуя на свою родину, - хмыкнул гигант.

Он поставил графа на пол, положив ему на плечо левую руку, правой обхватил его голову под подбородком.

- Не смей! – заорал граф, - ублюдок!!

Гигант потянул правой рукой, упираясь левой. Раздался хруст, тело человека обмякло, но он все тянул и тянул, напрягая могучие мышцы. Раздался треск, и безголовое тело отлетело прочь.

Рыжий поднял оторванную голову к своему лицу, посмотрел в навеки остановившиеся глаза и сказал:

- Я не ублюдок. Я – орк.

Он повернулся к Крисанте, стоящей позади него с немой вопросительной робкой надеждой в глазах, и мягко улыбнулся:

- Ты, кажется, упоминала о том, что хотела бы жить среди орков?